

Тренин Д.В.

Первое. Дискуссия о российско-американских отношениях на самом деле является разговором о международной идентичности России. Она не только спустилась на одну ступеньку вниз по отношению к сверхдержаве – Советскому Союзу. Процесс зашел гораздо дальше. Мы, как мне представляется, перестали быть тем, чем были для мира и для самих себя на протяжении последних 300 и даже более лет. Россия перестала быть самодостаточным, самодовлеющим монолитом, она перестала быть международным полюсом первого порядка. И чем дальше, тем больше эта ситуация будет усугубляться, и в результате понятие "Россия – великая держава", как это ни тяжело говорить, все в большей степени будет становиться лишь фигурой речи. В ситуации объективного усиления зависимости от внешнего мира предпочтительным "постдержавным" вариантом было бы приближение России к Европе. Вступление в ЕС в обозримой перспективе нереально, но формирование широкого Европейского сообщества в составе ЕС и неинтегрированной части Европы помогло бы России найти подходящие роль и место в мире. **"Россия как часть Европы"** – вот как могла бы выглядеть следующая станция нашего исторического пути. Все прежние великие державы Европы перестали быть *великими*, став *успешными*. Россия могла бы разделить их судьбу.

Второе. **Асимметрия**, которая существует в **российско-американских отношениях**, – это объективный факт. Из этого факта следует, в том числе, бесперспективность прямого соперничества. В свою очередь, осознание такой бесперспективности может рассматриваться как положительный фактор, способствующий развитию. Россия может и должна, наконец, сосредоточиться на собственных проблемах и их решениях. В этой связи внешняя политика – ресурс для решения внутренних задач, а не наоборот. Пусть наши амбиции пока отдохнут.

Что касается *Pax americana* – со всеми допущениями в отношении того, насколько этот *"рах"* всеобъемлющ и всемогущ, – то он в принципе создает довольно льготную внешнюю среду для России. Во-первых, по сравнению с преобладанием любого другого полюса, который можно себе представить. Во-вторых, по сравнению с реальной многополярностью. Последняя, если говорить о ней всерьез, способна разорвать Россию на части. Россия, может быть, и полюс, но маленький, зато с большой территорией, разные части которой подпадают в зону притяжения больших полюсов. Настоящие проблемы начнутся с закатом *Pax Americana*, до которого пока еще далеко.

Третье. Бросается в глаза **раздвоенность российской внешней политики**. Москва одновременно говорит, что Россия – страна европейская, а Евросоюз – наш стратегический партнер, при этом рассматривая НАТО как основного потенциального противника. РФ заявляет о стратегическом партнерстве с Китаем и вооружаем эту страну, одновременно и публично высказывая страхи по поводу "демографической экспансии" китайцев.

Россия трепетно относится к Договору по ПРО и в то же время довольно облегченно относится к последствиям распространения ракетных технологий и оружия массового уничтожения. Получается, что для нас гораздо важнее то, что сделают американцы в стремлении к технологическому превосходству, где мы им не конкуренты, а не то, что делают наши соседи к югу. Более того, с некоторыми из последних мы активно сотрудничаем, причем сотрудничаем именно в той области, которая может стать большой проблемой для нас самих, и не в таком уж отдаленном будущем.

Мы говорим о борьбе с терроризмом, и в то же время усиливаем, возобновляем контакты с некоторыми режимами, которые терроризм использует как рутинное средство государственной политики.

Мы объявили о военной реформе, не задавшись главным вопросом, без ответа на который реформа превращается в простую оптимизацию того, что у нас сегодня имеется, оптимизацию без реальной цели. Между тем вопрос очень прост – по крайней мере, в постановке. Рассматриваем мы Америку в качестве потенциального противника в начале XXI века или нет? От ответа на это будет зависеть реальное содержание реформы. Причем отсутствие ответа означает на деле утвердительный ответ.

Итак, российская государственная политика как бы раздвоилась. Правительственный курс в области экономики и финансов основывается на признании реальностей рынка. Иначе быть не может. В то же время внешняя и оборонная политика основаны больше на традиции, чем на реальностях. Конечно, традиция в этих областях у нас очень сильная и очень обаятельная. Я ничего не имею против традиции в принципе, но проблема в том, что следование традиции в условиях, когда ситуация кардинально изменилась, ведет к архаизации политики и, следовательно, ее неэффективности.

У меня есть несколько коротких комментариев по докладам.

По докладу Виктора Кувалдина. Я думаю, что США, безусловно, являются нашим приоритетом, но все-таки *главным* для нас приоритетом является формирование нового Европейского Сообщества вместе с ЕС. Мы – страна европейская, наше место – будущая Большая Европа. Одни в этом мире мы уже не выстоим. Время для одиночного плавания корабля под названием "Россия" закончилось. Мы должны стать частью эскадры, иначе мы либо потонем, либо что-то с нами произойдет не очень для нас приятное. Путь к этому – это не членство в Евросоюзе, а достижение совместимости с ним. Реально – это не внешняя политика, а внутренняя, иначе говоря, европеизация (модернизация) России. Я думаю в этой связи, что наша независимая внешняя политика становится чем дальше, тем больше анахронизмом. В принципе, в этом нет трагедии.

Проблема – в нежелании признавать реальности.

Я не совсем согласен с тем, что на рубеже 90-х годов нами и Западом был накоплен капитал доверия. Мне кажется, у нас были основы для приобретения такого капитала в будущем, но и только. Например, такой степени доверия, как между Францией де Голля и Америкой 1960-х годов, у нас с США не было.

По докладу Вячеслава Никонова. Мне кажется, что неправильно жестко делить американскую внешнюю политику на республиканскую и демократическую и, в частности, отдавать явное предпочтение первой. Наша политика в отношении США должна быть беспартийной.

Никонов, мне кажется, лукавит, когда говорит, что западнический подход для России неприемлем или неэффективен.

Четвертый вариант в его схеме явно избыточен. На самом деле настоящий западнический (или назовите его – европейский) подход – это единственный, который может открыть перед Россией реальные перспективы. Проблема не в том, что нас формально принимают или не принимают в какие-то клубы, а в том, что нам нужно делать свою домашнюю работу.

Клубная политика – не приоритет, а результат внутренней работы.

Наши разногласия с Америкой, на мой взгляд, не носят фундаментального характера. По-моему, об этом здесь говорили практически все, хотя, наверное, не столь прямо. Я думаю, что когда мы говорим о расширении НАТО и представляем это как изоляцию России в Европе, на самом деле мы говорим о том, что утратили решающий голос при принятии военно-политических решений в Центральной и Восточной Европе. Я не говорю, что это очень хорошая ситуация, это лишь подтверждение тезиса о том, что Россия перестала де-факто быть той державой, которой она традиционно была последние 200-300 лет.

Что касается противоракетной обороны, мне кажется, что здесь проблема на самом деле заключается в обеспечении стратегической стабильности в условиях того, что Андрей Кокошин называет **вторым ядерным веком**. Появление в ядерном клубе новых государств, которые географически расположены ближе к нам, представляет очень серьезную

проблему. Не исключено, что мы не сможем обеспечить свою национальную безопасность лет через 20 – тогда, когда у нашего друга Ирана будет внушительный ракетно-ядерный потенциал. И когда наш друг Китай при американской провокации (и даже без нее) достигнет паритета или почти паритета с нами в стратегических и наступательных вооружениях.

Гуманитарная интервенция. По-моему, о ней говорилось слишком много. И в российских дебатах она была возведена в такой принцип, которые даже Тони Блэру, возможно, не снились.

Экономические интересы. Вот Никонов говорит о том, что российско-вьетнамское сотрудничество дает очень много, но ведь это не проблема российско-американских отношений. Проблема российско-американских отношений – это Иран, в какой-то степени Китай, то есть наши поставки военно-технической продукции, против которых возражают США.

По выступлению Федорова. Я думаю, что уникальная ситуация в российско-американских отношениях как раз существовала в годы "холодной войны". А то, что было до того и что сейчас, по-моему, – это не очень уникально. Нам, конечно, нужен политический реализм, но все-таки не такой минималистский, как в представленном докладе. Мне кажется, что мы должны более широко смотреть на свою внешнюю политику. Европа – это не просто фактор в российско-американских отношениях, а наш главный приоритет.

Мне кажется, что **"единство элит"** и **"единая скоординированная информационная политика"** – это химера. Ничего хорошего, по-моему, это не даст.

Чечня и средства массовой информации. Проблема не в том, что американцы и Европа критикуют нас за Чечню, проблема в том, что ситуация в Чечне зашла в тупик, из которого нам предстоит очень трудно и долго выбираться.

Проблема ПРО. Есть два непреложных факта. Во-первых, американцы, конечно, что-то построят. Во-вторых, что бы они ни построили в обозримой перспективе, реально не подорвет нашу способность сдерживания, тем более что потребности сдерживания уменьшены. Сколько нужно блоков гарантированно доставить на чужую территорию? Я думаю, что десяток или два десятка – этого вполне достаточно для сдерживания.

НАТО. Я думаю, что асимметричным действенным ответом на расширение НАТО было бы сотрудничество с Европейским Союзом, усиление этого сотрудничества. Невозможно себе представить агрессию НАТО, "балканского" или любого другого типа против России, если у нас тесные, хорошие отношения с Европейским Союзом – какие бы отношения с Соединенными Штатами ни были на тот момент.

СНГ. Мне кажется, что конкуренция с Западом не определяет всю картину отношений, там гораздо сложнее, и у нас, по крайней мере, не меньше общих интересов, чем областей расхождений.

И последнее. Главное на американском направлении, как и в случае с Европой, – это наша **внутренняя работа**. Создание более благоприятного климата для экономического сотрудничества с Америкой. Мы не сможем поднять страну, если не будет притока инвестиций, в значительной мере американских или контролируемых американцами. Только в этом случае мы тогда сможем создать то, что станет солидной, прочной основой наших отношений с Америкой, – экономическую базу.

Наука и техника – это тот потенциал, который мы можем сейчас сохранить, главным образом, благодаря сотрудничеству с Западом.

Америка, кроме того, представляет интерес как источник современного экономического и управленческого образования для российской молодежи.

В области безопасности главной задачей является демилитаризация отношений с Западом, чтобы военный фактор не был фактором разъединения, тем более противостояния между Россией и Западом.

Конкретные вопросы. Меня всегда ставил в тупик вопрос об Иране. Я не думаю, что американцы заинтересованы только в том, чтобы не дать нам собрать какие-то 800 миллионов долларов в год с иранского поля. Не думаю, что американцы стремятся лишь отобрать у нас иранский рынок. По-видимому, есть какие-то реальные вопросы по существу. Превращать Иран в ракетно-ядерную державу – не в российских интересах. Если бы на саммите президент Буш и президент Путин могли бы договориться о том, чтобы спокойно, без эмоций рассмотреть иранскую ситуацию, это было бы положительным сдвигом. Я не буду долго говорить о Балканах. Балканы показывают, чего стоят наши разногласия, которые едва не привели к столкновению в 1999 году. С уходом одного человека от этих разногласий практически ничего не осталось. Я имею в виду фундаментальных разногласий.

И последнее. Когда мы говорим о державах, о полюсах и т.д. мы должны четко понимать, что самая главная геостратегическая и геополитическая проблема, с которой нам придется столкнуться в XXI веке, – это Азия, конкретно Сибирь и Дальний Восток. Наши позиции в наибольшей степени уязвимы именно в этом районе. Дай Бог, чтобы у нас все складывалось с Китаем хорошо. Но если предположить, что ситуация может разворачиваться в плохом для нас направлении, то надо думать о союзниках. Единственным, кто может оказать нам помощь в этих весьма гипотетических на сегодняшний день условиях, могут быть США.